

***Ценность человеческой жизни в учении
В.С. Соловьёва: современный контекст***

Панищев А. Л. (Россия, Курск)

*Допустив даже – а это будет нелепо – что
христианское общество может быть бесчувственным
к страданиям угнетённых, как может оно
безразлично относиться к греху угнетателей.*

В.С. Соловьёв

В России начала XXI века в качестве одной из важных задач следует выделить формирование правового сознания. Тем не менее без развитого нравственного сознания и без признания жизни и чести человека в качестве высших ценностей мы не можем говорить об интенсивном развитии какого-либо правосознания. В противном случае, уважение к закону на фоне вырождения сущности человека приведёт к тому, что закон окажется поставлен в услужение злу. Для роста правосознания мало хорошего законодательства. Право становится органичной частью социальной жизни только в том случае, если в обществе оно обосновано в качестве необходимой составной в организации разумной, нравственной жизни человека. Полагаем, что в современной России обращение к отечественному интеллектуальному наследию может способствовать поиску эффективных способов развития правосознания. Для более же успешного использования в практике государственной жизни положений русской мысли нам следует выявить их социально-философские основы. Заметим, что многие исследователи, например В.В. Зеньковский, в качестве одной из черт русской философской мысли называют её антропологический характер: в учениях ряда русских философов проблема человека, судьбы, смысла его жизни занимают ключевое место. Мы рассмотрим проблему ценности человеческой жизни в правовом обществе в свете философских воззрений В.С. Соловьёва, а также обратимся к социально-историческим предпосылкам её проявления. Многие исследователи обращают внимание на гуманистическое начало в идеях Соловьёва. Об этом Н. Зернов пишет: «Соловьёв не принадлежал к кругу революционеров; любая форма агрессии была чужда его натуре, и в своих лекциях он резко осуждал людей, надеявшихся принести русскому народу счастье путём насилия и обмана» (Зернов Н. Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьёв М., 1995. С. 141). Взгляды Соловьёва относительно права достаточно часто вызывали

полемику в среде его современников. Так, выступления В.С. Соловьёва с острой критикой уголовного права вызвали возражения у Б.Н. Чичерина. Между философами развернулась активная полемика, в которой был затронут ряд значимых сторон правовой жизни общества. Одной из рассматриваемых этими мыслителями проблем был вопрос о смертной казни, на котором мы и акцентируем внимание.

Отметим, что среди положений Соловьёва, занимавших принципиально важное место в его критике уголовного права, было непринятие смертной казни в отношении преступников, поскольку любая кара, тем более связанная с убийством, по его мнению, противоречит нравственности. Мыслитель пишет: «Сущность права состоит из двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага... последний интерес может только ограничивать первый, но ни в каком случае не упразднять его... Поэтому меры против преступника никак не могут доходить до лишения его жизни или до отнятия у него свободы на всегда» (Соловьёв В.С. Нравственность и право // Избранные произведения. Р.на/Д, 1998. С. 528). В.С. Соловьёв замечает, что грешников следует исправлять, а не судить. В данном вопросе философ стремится распространить идею бесконечного добра на все сферы общественной жизни, в том числе и на правовую. В.С. Соловьёв пишет: «Из безусловного и всеобъемлющего свойства добра можно заключать только, что ему, добру, не полагается никаких границ в его осуществлении...» Тем не менее в других своих положениях Соловьёв допускает наказание, но в нём он видит проявление деятельного человеколюбия, законное, принудительное применение злой воли как на благо общества, так и на благо человека, совершившего правонарушение. Так, в труде «Три разговора...» В.С. Соловьёв считает обоснованным убийство преступника ради защиты и сохранения чести девушки. Однако такое убийство совершается не ради того, чтобы наказать злодея, а ради благочестивого человека, которого необходимо спасти. Разумеется, неприятие смертной казни свойственно воззрениям многих русских мыслителей, однако, если Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой обычно своё отношение к смертной казни выражали через литературные произведения, то В.С. Соловьёв в философских трудах пишет о неприемлемости смертной казни. Соловьёв акцентирует внимание не просто на античеловечности идеи узаконенного убийства, но также на том, что это вдвойне недопустимо для того государства, в котором провозглашены христианские принципы.

Как мы видим, центральной фигурой в учении Соловьёва был человек, жизнь которого рассматривалась через призму

возможности его духовного совершенствования и характеризовалась как значимая ценность. Всё же нельзя не признать того факта, что под словом человек мыслить имел в виду не какую-либо абстракцию, а вполне конкретный вид бытия, отличающийся от естественной природы. Любая культура всегда обращена к поиску путей сохранения человечности в людях, и в культуре вырабатываются критерии, позволяющие говорить об индивиде как о человеке. Скажем так, не всякого индивида можно назвать человеком, а, беря во внимание реалии современной жизни, людьми из общей массы народа являются единицы. В.С. Соловьёв выделял три свойства человека, без которых употребление понятия «человек» становится либо формальностью, либо фикцией. Речь идёт о чувствах доброты, стыда (прежде всего, в смысле телесного ощущения) и благоговения. Все эти три характеристики антропологического бытия согласуются с нормами русской национальной культуры и ценностями Христианства. В.С. Соловьёв глубоко воспринял ценности русской культуры. Его философское учение, хотя и в ряде случаев не соответствует христианскому богословию, но именно на нём основано. Поэтому-то категории доброты, стыда, благоговения отдельно прописаны в его философском учении.

Тем не менее в начале XXI века ценность человеческой жизни оказалась крайне низкой, что во многом связано с антропологическим кризисом в целом. Качества, отличающие человека от животного мира, общество предпочло предать забвению. Так, бесстыдство, согласно воззрениям Соловьёва, предполагает недочеловечность. Беря во внимание широкий размах индустрии ночных клубов, атрибутами которых стал стриптиз, учитывая то, что некоторые порномодели и порнодельцы (например, спортсменка и референт центрального управления Президента РФ С. Хоркина, депутат А. Митрофанов) занимают важные должности в государстве, понятие стыда оказалось выброшенным из общественного сознания. Такого рода деятели одновременно и государственного, и порнографического уровня, согласно общекультурным нормам, в частности христианским, прокляты, ибо губят души других людей, тем не менее именно они считаются успешными гражданами. Между тем чувство стыда есть одно из оснований для нравственного роста личности, поскольку отсутствие стыда обезличивает её и лишает возможности осмысления своей индивидуальности.

Категория благоговения имеет религиозный смысл и обращена к идее теозиса. Последнее понятие в христианском вероучении занимает центральное место, поскольку именно в теозисе состоит

смысл жизни человека – уподобление Богу чрез стяжание Духа Святого. Тем не менее в государстве под видом светских устоев, религиозные понятия также были выжиты из общественной морали.

Что касается понятия доброты, то оно по сути также утрачено. Скажем так: многие международные организации и СМИ, уделяя огромное внимание защите прав извращенцев, совсем не замечают того, что в мире уже лет двадцать идёт открытый Холокост против христиан и Христианства как религии. Пока особи из движения фемен публично демонстрируют свою осквернённость, бесстыдство в местах, где под видом толерантности предана национальная культура, в таких странах как Сирия, Ливия, Ирак женщины и девушки массово прибегают к суициду, чтобы не быть изнасилованными (самоубийство во сохранения чести, согласно Христианству, есть норма). В Пакистане христиан почти не осталось. Скажем так: по УК Пакистана человека могут приговорить к смерти по статье о богохульстве на основе показаний одного свидетеля; а, если женщина подаёт заявление в полицию об изнасиловании, то, не имея четырёх свидетелей из числа уважаемых мужчин, сама оказывается в тюрьме, поскольку таким заявлением призналась во внебрачной половой связи. Несмотря на вопиюще демоническое отношение к женщинам, представители движения «фемен» в Пакистан не едет и не защищает права людей. На Украине, где против христиан устроен геноцид, положение дел катастрофическое, но в международных организациях не видят гуманитарной катастрофы на Украине. Если в 1990-х годах католики и униаты изгоняли христиан без массовых убийств, то сейчас на Юго-востоке Украины людей массово убивают, а христианские храмы разрушают с применением тяжёлой боевой техники. Не за горами день, когда на Украине появятся деятели, похожие на хорватского католика Анте Павелича, который провожая своих боевиков на уничтожение сербов, прямо говорил: «Плох тот усташ, который не сможет ножом извлечь ребёнка из утробы матери». Впоследствии Ватикан переправил Павелича в Латинскую Америку, также как и многих других военных преступников. (Нужно подчеркнуть, что речь идёт о тех преступниках, которые уничтожали христиан, в частности сербов, по религиозным критериям, причём часто по прямым призывам католического клира). Поэтому-то даже понятие доброты в современном сознании уже в большей мере вытравлено или искажено.

Разумеется, некоторые читатели резонно отметят то, что понятие доброты (по крайней мере, представление о доброте) сохранено в повседневном сознании многих людей, а большая политика диктуется лишь узкой группой должностных лиц. Однако

то, что мы видим на Украине, стало возможным лишь в условиях массовой озлобленности людей. Применение ВС Украины против гражданского населения не вызвало широкой волны протестов среди большей части граждан Украины, а значит, они сатанинскую политику новой власти в Киеве признали легитимной. Нельзя забывать, что даже самый жестокий правитель не сможет проявить своей сущности, если в обществе нормы доброты массово и искренне соблюдаются. Доброта есть не просто формальная этическая категория, это есть некая социальная гарантия от неправомерных поступков власти.

Кратко рассмотрев антропологические качества в рецепции того мировоззрения, которое свойственно значительной части современного социума, правомерно констатировать утрату этих качеств, а следовательно, вырождение природы человека. На фоне современных технологий, научных прорывов такое положение дел выглядит историческим регрессом. Для России, где нормы доброты и благочестия являлись составляющими национальной культуры, их утрата выглядит трагедией, способной подорвать саму возможность самоидентификации русского народа и всех тех народов, которые уже столетиями объединены в границах России и мыслят категориями русской культуры.

Обращая исследовательский взор на глубины истории России, нельзя не заметить, что в дохристианский период осознание сути человека происходило в основном через призму родовых отношений, в системе которых его значимость мыслилась только посредством принадлежности индивида к роду. Доминирующие установки, принципы и традиции в общине были направлены на коллективную, а не личностную идентификацию в социокультурном пространстве. Самого же понимания человека как самостоятельной персоны в роду не могло быть в принципе, ибо коллективная установка препятствовала объективации всякой индивидуальности. в данном случае уместно привести следующую цитату из научного исследования К.Г. Юнга: «Всемогущая коллективная установка создала, так сказать, невозможность всякой объективной психологической оценки индивидуальных различий, равно как и вообще научного объективирования индивидуальных психологических процессов» (Юнг К. Г. Психологические типы. С-П.: Ювента, М., 1995. С. 37.) Существенные изменения в понимании человека как ценности внесло Христианство. Оно было призвано обеспечить новое единение людей, причём не на родоплеменном, а на духовном и государственном уровнях. Причём, духовный уровень был приоритетен относительно государственного. Отличительной чертой такого сплочения стало отношение к человеку как к

творению Божьему, как к «храму Божьему» (Евангелие, 1-е послание Коринфянам, 3:17), независимо от его социального и экономического состояния.

Свидетельством восприятия человека в христианской Руси как существенной ценности может стать весьма редкое использование смертной казни, которая стала распространяться среди руссов только с приходом монголо-татар (1237-1480) и впервые правовую санкцию получила в судебнике 1497 года. Для нас же важно то, что в конце X века на Руси произошла трансформация понимания преступления, как явления общественной и индивидуальной жизни. Если в языческой среде убийство или воровство рассматривалось в качестве злодеяния против другого человека как отдельного субъекта, то христианство заставило взглянуть на преступление как на акт, направленный против души самого злоумышленника. С момента принятия христианства за преступные действия человек стал «наказываться правосудием во имя Божие» (Георгиева Т. С. Христианство и русская культура. М., 2001. С. 47). Обратившись к «Поучению...» Владимира Мономаха, заметим такую установку: «Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его...» (История России с древнейших времён до конца XVII века. Под ред. А.Н. Сахарова, М., 1996. С. 184). В данном случае мы видим принципиально иной подход к жизни любого индивида. Согласно христианству, каждая жизнь дорога, поскольку в ней человек обретает духовное спасение, и всякий миг бытия обладает существенной ценностью, ибо во всякое мгновение, даже если это и произошло перед самой кончиной человека, тот может чистосердечно раскаяться и обратиться к Богу.

Тем самым жизнь человека приобретает высокую ценность, поскольку в ней он обретает возможность духовного спасения и достижения совершенства. В конце XIX и начале XX столетий, когда в России наряду с религиозной мыслью получила интенсивное развитие философия, идея человеческой жизни как высшей ценности стала центральной в учениях ряда русских мыслителей. Для современной России, стремящейся построить правовое общество, необходимо также учитывать, что без социального признания жизни человека в качестве значимой ценности всякие попытки развития правосознания окажутся неудачными. Однако, защищая человеческую жизнь, необходимо помнить, что государство призвано содействовать сохранению и развитию антропологического бытия, в противном случае вырождение природы человека подведёт общество к распаду социальных отношений, к смешиванию добра и зла до степени их трудноотличимости, к релятивизации этических норм. Эффективная

защита человеческой жизни и правовой безопасности возможна только при условии сохранения культуры, как среды антропологического бытия. Культуру необходимо защищать последовательными правовыми мерами, отдельные её категории следует прописать в Конституции. В этом случае у общества появятся эффективные правовые механизмы защиты культуры, а значит, государства и правовой безопасности граждан. Человеческая жизнь тогда защищается как высшая ценность, когда она несёт в себе глубокий антропологический смысл, связанный с уникальностью личности, с её стремлением к нравственной чистоте, с чувством её ответственности за других людей и Родину.

Литература

1. Георгиева, Т.С. Христианство и русская культура. – М.: Владос, 2001. – 240 с.
2. Зернов, Н.М. Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьёв. – М., 1995. – 212 с.
3. История России с древнейших времён до XVII века. Под ред. А.Н. Сахарова. – М.: АСТ, 1996. – 576 с.
4. Приленский, В.И. Полемика Б.Н.Чичерина и В.С.Соловьёва // Философские науки. – №9. – 1989. – С. 69-73.
5. Соловьёв, В.С. Нравственность и право / Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 504-535.
6. Соловьёв В.С. Россия и Вселенская Церковь. – Минск.: Харвест, 1999. – 1600 с.
7. Юнг, К. Г. Психологические типы / К.Г. Юнг. — С-П.: Ювента, М.:Пресс-Универс, 1995. – С. 725.